Мы вдвоём бежим в сторону леса. Через некоторое время я понимаю, что мы направляемся в сторону бедной деревни. Но сейчас же уже утро, так что стоит ли нам туда идти?

Эта мысль не даёт мне покоя, а солнечный свет бьёт мне в глаза. Но я не спрашиваю её об этом. Мы добираемся до леса и забегаем в него, не останавливаясь.

В некотором смысле деревья здесь выглядят немного зловещими. По крайней мере, они намного более зловещие, чем ночью. Каким-то образом, когда странные кусочки дневного света едва пробиваются сквозь кроны деревьев, вместо успокаивающей и прохладной кромешной тьмы ночи, жуткий мрак осязаемо стелется на лесной подстилке.

— Алисия! На тебе же нет обуви! – кричу я, после того как мы немного пробежали по лесу. Я смотрел под ноги, чтобы не упасть, и заметил, что её ноги совершенно босые.

Но она не перестаёт бежать, и я не могу не заметить что её ноги почернели от грязи.

— Не беспокойся об этом. И что более важно, не заметил ли ты во мне что-нибудь необычное?

Ей, похоже, абсолютно всё равно, что её ноги с каждой секундой становятся всё грязнее.

— ...Хм, ну, у тебя изменилась манера речи?..

Говоря это, я испытующе вглядываюсь в лицо Алисии.

При моих словах между её бровями появляется небольшая морщинка, а взгляд становится отсутствующим, она на мгновение погружается в свои мысли.

— Может быть, это потому, что я уже давно ни с кем не разговаривала? Я странно говорю?

— Не то чтобы странно, просто твой голос звучит гораздо приятней. Мягче, чем раньше, – задумчиво отвечаю я, на что Алисия одаривает меня лёгкой, нежной улыбкой.

...Красивая.

В её взгляде нет и намёка на притворную злобу или сарказм. Как будто она на мгновение забыла о том, что хочет быть злой, и улыбается мне естественной улыбкой.

Это взгляд, лишенный её обычной искусственности. Он отражает яркий ум и честный, неподдельный характер.

— Возможно, ты и прав. Сейчас я действительно могу говорить немного по-другому.

— А ты правда ни с кем не разговаривала последние два года?

На лице Алисии появляется слегка озабоченное выражение.

Раньше она не позволила бы никому увидеть такое выражение лица. Почему-то мне кажется, что она полностью утратила всю свою злобу, всё то злодейское намерение, к которому она так упорно раньше стремилась.

— Ты подумал, что теперь я не выгляжу, как злодейка, да?

— Откуда ты знаешь?!

Мои плечи непроизвольно напрягаются от шока, вызванного тем, что она угадала мои мысли. Никогда бы не подумал, что настанет день, когда она сможет сделать это.

Она использовала какое-то магическое заклинание?

— Это не магия, – деловито говорит мне Алисия, уголки её губ приподнимаются.

Ах, это лицо, эта игривая, дразнящая ухмылка… Теперь это та Алисия, которую я помню.

— Тогда как ты узнала?

— Потому что твоё лицо похоже на открытую книгу?

Это должно быть ложь. В течение последних двух лет я упорно работал над тем, чтобы мои мысли и эмоции не появлялись на моём лице. Более того, я научился приспосабливать выражение своего лица к каждой конкретной ситуации.

Нет, я уверен, что меня выдало не лицо.

— …Я шучу, – говорит Алисия, улыбаясь так сильно, что в уголках её глаз появляются маленькие морщинки.

Моё сердце испуганно вздрагивает. Во многих отношениях девушка передо мной совсем не похожа на ту Алисию, которую я знал. Эти перемены пугают.

— Но я всё та же. Я не изменилась, Гиллес. Я всё ещё я.

…Опять. Она точно знала, о чём я думаю.

Мгновение я смотрю на неё широко раскрытыми глазами, прежде чем она вдруг разражается смехом.

— Прости, Гиллес. Я не хотела тебя так шокировать! Просто у тебя было такое забавное выражение лица, что мне захотелось подразнить тебя.

— Да-да. Очень смешно. Так как ты узнала?

— Да ладно тебе, тебе же из-за чего так обижаться, верно?

— Расскажи уже.

— Ну, ты же знаешь, что Дедушка Уилл всегда знает, о чём кто думает, несмотря на то, что он даже не может видеть? Последние два года я строила гипотезы о том, как он это делает.

— И что? Ты смогла это выяснить?

— Нет, не совсем. Я до сих пор не понимаю, как ему это удаётся. Но я думаю, что поняла, по крайней мере, суть того, как это работает, – с гордостью признаётся мне Алисия.

Почему-то она выглядит гораздо более оптимистичной и жизнерадостной, чем раньше.

— Я была единственной, кто жила в этой маленькой хижине, но в мире за её пределами существует множество людей, верно? Хотя, полагаю, это должно быть очевидным фактом.

— Да… И что? – говорю я, всё ещё немного не уверенный, к чему она клонит. — Ты хочешь сказать, что научилась более чутко воспринимать перемены в окружающих тебя людях? – продолжаю я немного скептически.

— Вот именно. Что и следовало ожидать от моего помощника, ты можешь понять, что я имею в виду, даже почти без объяснений.

Говоря это, Алисия сильно и ласково гладит меня по голове.

Тепло разливается по мне от её слов и прикосновений, и я снова вспоминаю, как сильно она может на меня повлиять. Ничто не приносит мне большей радости или удовлетворения, чем её признание или похвала.

— Тон голоса, выражение лица, отношение, манеры, настроение… просто внимательно прислушиваясь и настраиваясь на ауру и впечатление, которое производит другой человек, теоретически можно прочитать его сердце. Однако чем больше я изучаю это искусство, тем

больше понимаю, насколько трудно его применять на практике. По отношению к тебе я могу это использовать ещё хоть как-то, но мои навыки далеко не близки к уровню мастерства Дедушки Уилла.

— И всё же это удивительно, Алисия!

— Нет. В этом нет ничего удивительного, – холодно отвечает она.

В её тоне нет и намёка на разочарование. Она говорит так, как будто действительно имеет это в виду, как будто это действительно не удивительно.

— Даже если бы я приложил столько же усилий, я сомневаюсь, что смог бы повторить это.

— Усилий? Ты думаешь я прилогала много усилий, потому что хотела научиться этому. Это не только из-за усилий или тяжёлой работы. Наверное, нужно терпение. Но в конце концов, я делаю только то, что нужно, чтобы стать злодейкой. Ни больше, ни меньше.

— Ты говоришь, что это ради того, чтобы стать злодейкой, но я бы сказал, что сейчас ты выглядишь гораздо менее злодейкой, чем раньше. Раньше ты позволяла обеспокоенному выражению появиться на твоём лице...

— Ах, это?.. Это было потому, что я не знала, что я должна и не должна говорить, – объясняет она, и её лицо становится таким же, как и раньше.

С серьёзным выражением в глазах она о чём-то напряжённо размышляет и замолкает.
Она колеблется, рассказать ли мне ещё что-нибудь или нет.

Конечно, я ни за что не расскажу никому то, что она рассказала мне по секрету, но нет смысла говорить ей об этом. Если она этого ещё не знает, то мои слова будут звучать как пустышки.

Кроме того, Алисия должна сама решать, говорить мне или нет. Если она не хочет, я не буду настаивать.

После некоторого времени Алисия слегка прикрывает глаза и испускает лёгкий вздох. Когда она снова открывает их, то сразу же поворачивается ко мне, пронзая меня своим сильным взглядом.

— Ты спрашивал, разговаривала ли я с кем-нибудь за последние два года? Да. Один раз. Когда ко мне пришла мама.